

Готовясь к отступлению из села, немцы явно рассчитывали вернуться сюда снова. Невдалеке от избы Марии выкопали огромную яму. К ней подъехали два грузовика, до краев нагруженные какими-то деревянными ящиками. Несколько солдат аккуратно складывали ящики в яму.

Группу сельских подростков, которые наблюдали за работой, немецкий офицер, руководивший «операцией», предупредил, показав на ящики:

— Vergiftet! Отрафлено!

Один из ящиков упал из кузова грузовика на землю и развалился. Оказалось, что в нем упаковано печенье. Когда немецкий солдат по приказу офицера собирал его в пакет, то украдкой отправил пару кусочков к себе в рот. «Понятно, — сообразили ребята. — Ничего там не отравлено. От нас прячут».

К избе Марии тоже подъехал грузовик. Из него немцы выгрузили резиновые сапоги. Сбросили их в ее погреб, набив доверху. Каждый сапог был на левую ногу. Оказалось, что точно такие же сапоги, только на правую ногу, фашисты сбросили в погреб на другом конце села. Каждый

погреб у соседей Марии тоже заняли — где-то немецким обмундированием, где-то какими-то деталями.

— Где же мы теперь прятаться от бомбежки-то будем? — кручинилась Мария.

Почти в любой сельской избе был небольшой погреб, и когда земля начинала дрожать от разрывов снарядов и бомб, он служил для семьи укрытием. В погребе Марии хватало места только для троих — для нее самой и двух ее сыночков — десятилетнего Борьки и трехлетнего Юрки.

— Марусь, — подсказала ей соседка Полина, — можно в погреб деда Прохора детей отводить. У него погреб огромный — человек пятнадцать поместятся. Многие своих детей там укрывают, когда бомбежка начинается. Я свою Танюшку тоже там раза два оставляла.

— А где это? — спросила Мария.

— Да тут недалеко, не доходя до Большого лога, изба его стоит, справа от дороги. Она одна там над дорогой возвышается, сразу увидишь. А погреб тот — не в избе, а рядом с нею.

— А тебе не боязно Танечку, такую маленькую, одну там оставлять?

— Боязно, Марусь, да что поделаешь? Но там же ребят постарше много. Кто-то из взрослых тоже с детьми обязательно остается.

— А погреб сырой, видать?

— А где ты, Марусь, видела у нас сухие погреба? Конечно, сырой. Стены-то земляные. Понятно, что неуютно там. Но погреб надежный, подпорки из дубовых бревен стоят. Давай завтра вместе наших ребятшек туда отведем. Говорят, Воронеж-то уже три дня как наши освободили. Вот-вот и от нас эти изверги побегут.

С утра так и сделали. Где-то на дальних подступах к селу уже грохотала артиллерия, и стало ясно, что день предстоит тяжелый. Оставляя детей в подвале, Мария попросила старшего:

— Борь, ты уж поглядывай за Юркой-то. Знаешь ведь, какой он вертлявый...

— Не волнуйся, мам, пригляжу, — пообещал сын.

Домой Мария уходила беспокойной. Виду не подавала, потому что не хотела Полину пугать, но плохие предчувствия овладевали ею все больше и больше.

А дома, оставшись одна, она металась из угла в угол, не зная, что делать. Все валилось из рук. Надо было растопить печку — изба уже порядком выстудилась. Борька вчера притащил кучу дощечек, выброшенных немцами. Но дощечки не разгорались.

— Проклятая немчур! — выругалась Мария. — Даже доски у них ненормальные!

И она расплакалась.

Удары артиллерии стали все слышнее. И как будто кто-то свыше подсказал ей эту мысль: «Погибать — так вместе».

Мария бежала, не обращая внимания на то, что опасность подстерегала ее буквально на каждом шагу. Немцы в панике отступали, неся большие потери, и от них можно было ожидать чего угодно.

Подбежав к погребу и открыв его дверцу, она услышала снизу чей-то голос:

— Тут мест уже нет!

Мария позвала:

— Боря! Борь! Возьми Юрку и вылазьте ко мне! Да поскорее!

Из черного проема погреба показался сначала Юрка, а затем поддерживающий его на ступеньках лестницы Борька.

— Мам, ты чего пришла? — спросил старший сын. — В погребе и правда нет места.

— Мы домой идем. Быстрее!

Взяв младшего на руки, Мария решила уходить от погреба по полю, проваливаясь в снег, потому что по дороге двигались отступающие немецкие грузовики, мотоциклы, повозки, запряженные лошадьми. На другом краю села уже слышались возгласы русских солдат: «Ур-ра!». Грохотала артиллерия, стрекотали пулеметы, свистели пули.

Но не успела она пройти и полсотни метров, как дорогу ей преградил немецкий мотоцикл с тяжело загруженной коляской. Два немца — один за рулем, другой на заднем сиденье — глядели на нее не без интереса. Интерес этот был понятен: Мария была женщиной молодой и довольно привлекательной.

Со стороны подвала раздались испуганные детские голоса. Немец, управлявший мотоциклом, оглянулся, прислушался. Обратившись к женщине, уточнил:

— Kinder¹?

Мария насторожилась и, сделав вид, что ничего не поняла, промолчала.

Она попыталась обойти мотоцикл, но немец потребовал, показав в сторону подвала:

— Zurück²!

Но второй немец, махнув рукой, возразил ему:

— Günther, lass Sie in Ruhe! Wir müssen uns beeilen³!

Оба немца встали со своих мест, подошли к коляске. Достали оттуда канистру с бензином. Тот, кого звали Гюнтером, схватил ее за ручку и короткими шагами, ухмыляясь, побежал к подвалу. Канистра была, видимо, полной, тяжелой, и Гюнтеру пришлось дважды остановиться, чтобы поменяться руками.

Когда Гюнтер подбежал к подвалу и открыл его дверцу, Мария, отошедшая к тому времени от мотоцикла метров на двадцать, оглянулась и тихонько ойкнула. Она почувствовала, что сейчас произойдет что-то страшное и непоправимое.

Гюнтер поставил канистру возле дверцы, открыл ее и пнул ногой вниз, в проем погреба, опрокинув на детей. В погребе притихли. Какой-то мальчишка, поднявшись по лестнице, выглянул оттуда, чтобы посмотреть что происходит. Фашист пнул ногой и ребенка.

В это время второй немец приближался к погребу со связкой гранат.

— Geh Weg⁴! — крикнул он Гюнтеру.

В черный проем погреба полетели гранаты. Из погреба вырвались клубы огня. Оглушительный взрыв поднял над уже бывшим укрытием смесь земли, снега и детских останков. Пламя и куски земли долетели и до немцев, и они поспешили убраться с места своего зверства.

Мария оцепенела, еще сильнее прижав к себе Юрку и Борьку.

¹ Kinder? (нем.) — Дети?

² Zurück! (нем.) — Назад!

³ Günther, lass Sie in Ruhe! Wir müssen uns beeilen! (нем.) — Гюнтер, оставь их! Нам надо поторопиться!

⁴ Geh Weg! (нем.) — Отойди подальше!

На следующий день село прощалось с погибшими детьми. Борька, ничего не сказав матери, убежал к месту вчерашней трагедии. Мария туда не пошла — страх, охвативший ее накануне, так и не прошел. Но Борьку она ругать не стала. Он возвратился домой хмурым. Не раздеваясь, сел на свою кровать и, ничего не говоря, долго смотрел в окошко.

— Борь, сходи за водой, — попросила мать.

Старенькие Борькины валенки уже давно продырявились, поэтому он попросил:

— Мам, там сегодня не очень холодно, можно я немецкие сапоги из погреба возьму?

— Возьми, — разрешила та. — Только подбери размером поменьше. Они же тебе велики будут. И теплые носки надень.

Борька попытался подобрать резиновые сапоги по своей ноге, но ничего не получалось. Надев те, что показались ему самыми маленькими, он взял ведро и вышел из избы.

К колодцу они с матерью ходили двумя путями: или по открытой сельской дороге, или тропинкой между зарослями лозняка. Первый путь был длиннее, а второй короче, но труднее, тем более зимой. От соседских ребят Борька знал, что на дороге много немецких трупов. В этот день их собирали по всему селу, грузили на машины и подвозили к глубокому оврагу, сбрасывая в него и засыпая землей. Борьке совсем не хотелось ничего этого видеть, и он выбрал путь через лозняки. Этот путь, как оказалось, стал для него более опасным.

Идти по снегу оказалось нелегко. Мало того, что сапоги болтались на ногах, так они еще и «смотрели» в одну и ту же сторону, в правую, и поэтому шагать было вдвойне неудобно.

Набрав воды, Борька по заснеженной тропинке уже возвращался домой. Неожиданно прямо на него из зарослей вышел немец. Видимо, во время вчерашнего отступления он отстал от своих и прятался здесь, в лозняках, — и всю ночь, и часть сегодняшнего дня. Жажда заставила его выйти к ребенку, которого он, конечно, не страшился.

— Wasser⁵... — попросил немец, протягивая руку к ведерку.

Но не успел немец прикоснуться к ведру, как с другой стороны лозняков появился русский офицер с пистолетом в руках.

— Отойди! — приказал он Борьке.

Не успел мальчишка сделать и пяти шагов, как раздался выстрел. Немец рухнул на снег.

Понятно, офицер не имел права устраивать самосуд, тем более при ребенке. Но война есть война, и трудно сказать, что предшествовало этому поступку в личной жизни самого офицера. В каждой советской семье были свои горькие утраты и свой счет к фашистам. Наверняка он был и у того офицера.

А Борька прибежал домой без воды, весь дрожа. О происшедшем он смог рассказать матери, то и дело вздрагивая и заикаясь, только к вечеру.

Вскоре после этого Борька стал что-то бормотать во сне, а иногда — и все чаще — кричать, вскакивать, глядя вокруг ничего не понимающими глазами. Каждый раз Мария, просыпаясь, пыталась успокоить его, гла-

⁵ Wasser... (нем.) — Воды...

дя по голове, даже баюкая, как малое дитя. Часто просыпался и Юрка, наблюдая за братом с тревогой и жалостью.

Мария считала, что так повлиял на здоровье старшего сына тот злополучный расстрел.

Но однажды ночью, глядя своим безумным взглядом, Борька вдруг отчетливо закричал:

— Коса! Коса!

— Какая коса? — недоумевала на следующий день мать.

Недели две назад отец, вернувшийся с войны израненным, брал с собой Юрку и Борьку на заготовку сена для коровы-кормилицы. Он косил траву на лугу, а сыновья наблюдали за его работой.

— Я тоже хочу косить! — крикнул Юрка.

Остановившись, отец улыбнулся и сказал:

— Тебе еще рано, подрасти немного надо. А вот Борису можно попробовать.

Борька радостно вскочил, подбежал к отцу, взял косу в руки. Попробовал косить. Получалось у него плохо, он вскоре разочаровался и возвратил косу отцу.

— Ничего, — сказал тот. — Со временем научишься.

— Что у вас там произошло? — не раз и не два спрашивала Мария у мужа. — Почему Борька по ночам косу вспоминает?

— Да все у нас нормально было, — оправдывался отец. — Не могло там ничто его напугать...

О какой косе кричит Борька, раньше всех догадался Юрка.

— Мам, — подсказал он, — а помнишь, Борька рассказывал нам о косе Насти?

Светло-русую длинную косу своей одноклассницы, которая Борьке, кажется, нравилась, он нашел недалеко от разрушенного взрывом погребка. Вероятно, взрывной волной ее отбросило вверх и в сторону, поэтому она и уцелела.

Об этой косе Борька рассказал однажды:

— Мы взяли ее и торжественно вынесли к могиле. Мы несли косу Насти, точно гирлянду цветов к памятнику. Бабы, увидев нас с косой, одна за другой зарыдали, заголосили и расступились, освобождая нам путь. Мы приблизились, постояли с минуту в полном молчании и опустили косу, будто возложив ее к могиле...

Юрка хорошо запомнил рассказ брата, потому что все это его очень впечатлило.

К отцу Юрка привыкал долго. Когда тот уходил на фронт, Юрка был слишком мал. Вернувшегося с войны отца он просто не признал. Он очень удивлялся, почему мама так радуется незнакомому дядьке, а Борька зовет его папой. Отец очень переживал, услышав, как Юрка называет его дядей, но был терпелив. Целуя сынишку, он снова и снова повторял:

— Я твой папа...

Были у отца и другие поводы переживать. Однажды немцам удалось — на короткий срок, всего на сутки, захватить деревню, в которой располагалась его воинская часть. Ему вместе с одним однополчанином удалось спрятаться от фашистов, укрывшись в сене на чердаке заброшенного дома. Ночью они решили пробиваться к своим, спрятав на этом чердаке свои партбилеты, — на случай, если попадут в плен. Попытка удалась. На следующий день наши взяли село обратно. Григорий и его одно-

полчанин кинулись к знакомому дому за своими партбилетами. Но дома уже не было: он сгорел.

Вернувшись с войны, отец сразу же поехал в райком партии и попросил выдать ему дубликат партбилета. Какой-то райкомовский бюрократ нашел его учетную карточку, долго вертел ее в руках, о чем-то думал. И, наконец, изрек:

— Будете вступать снова, на общих основаниях.

Подать новое заявление о вступлении в партию он не стал. А обида на то, что с ним обошлись несправедливо, не давала ему покоя. Особенно после того, как получил письмо от того самого однополчанина: тот сообщил, что никаких проблем с получением партбилета у него не было.

3

В первом послевоенном году Юрка пошел в школу. Когда учительница, Лидия Федоровна, знакомилась с классом, расспрашивая каждого о семье, о родителях, Юрка понял, как ему повезло. Его отец вернулся с войны живым, а у большинства первоклашек отцы погибли. Были и такие, у кого погибли и отец, и мама, — их воспитывали бабушки и дедушки.

Особенно потрясла Юрку история Кати, которую он хорошо знал, потому что она жила по-соседству. У Кати не было одного глаза, и некоторые злые мальчишки дразнили ее, называя косой. В школе Катя рассказала, как она лишилась глаза. Какой-то фашист потащил ее маму в сарай. А она, трехлетняя, почувствовав беду, плакала и, ухватившись за подол маминой юбки, не отпускала ее. Тогда фашист со всего размаха ударил своим кованым сапогом в лицо девочки и выбил ей глаз.

Узнав об этом, мальчишки перестали дразнить Катю. Но у одного второклассника, на перемене, слово «косая» все же слетело с языка при виде девчонки. И тогда Юрка смело пошел на обидчика Кати с кулаками. Обидчик был и старше, и сильнее, и Юрка заработал свой первый в жизни фингал под глазом. Когда пришел из школы домой, мама разохлалась, стала расспрашивать, кто его побил, пообещала завтра же к директору школы пойти, чтобы обидчика наказали. Но Юрка молчал как рыба, второклассника не выдал.

А весной Юрку не на шутку перепугала какая-то незнакомая женщина. Когда он на улице играл со сверстниками в прятки, она подошла к нему и запричитала:

— Юрочка, сыночек, как ты вырос!

И вдруг, обнимая его, начала рыдать навзрыд. Рыдая, она пыталась вручить ему какие-то подарки, но Юрка ничего не взял. «Да она ненормальная», — подумал он.

Выскользнув из рук рыдающей женщины, Юрка убежал домой. Но не только испуг овладел им. Было и недоумение: «Почему она назвала меня сыночком?»

Матери он об этой женщине ничего не сказал. Юрка с малых лет привык беречь маму от неприятностей. Своими радостями он всегда с нею делился. Неприятностями — никогда. Он видел, как мама мается с непонятной болезнью брата, как она вся извелась в поисках врачей, которые могли бы чем-то помочь, что-то посоветовать. Постоянно ездила с ним то в районную больницу, то в Воронеж.

Временами он даже ревновал, ему казалось, что мама любит Борьку больше, чем его. Но он гнал от себя эти мысли, веря: такого не может быть.

К тому же, по мере взросления, ему становилось все понятнее: маму и старшего брата сблизила не только эта болезнь. Их сблизила война, ее невероятные тяготы и беды, которые они переживали вместе. Сам-то Юрка в то время был слишком мал, чтобы что-то переживать.

О впечатлившей его встрече с «ненормальной» Юрка стал уже забывать. Но женщина напомнила о себе следующей весной. Все повторилось, как и в первый раз. Она называла его сыночком, обнимала, рыдала, А Юрка опять вырвался из ее объятий и убежал.

Скрывать от мамы эту пугающую его встречу Юрка больше не стал. Но когда он рассказал о ней, в разговор вмешался Борька. Оказывается, он все видел.

— Мам, да это же тетя Поля была — бывшая наша соседка.

Все поняв, Мария, обняла Юрку, прослезилась.

— Мам, ты чего расстроилась? — забеспокоился мальчишка. — Она что — правда, ненормальная?

— Нет, сынок, она очень хорошая женщина, — успокоила его Мария.

— А почему она меня сыночком называет? Почему плачет?

Немного успокоившись, мама рассказала Юрке, что у тети Поли была дочка. Ее звали Танечкой. Танечка родилась в сельской больнице не только в один день, но и в один час с Юркой. В больнице их все в шутку называли двойняшками.

— А мы с тетей Полей тоже шутили и называли вас братишкой и сестренкой, — улыбнулась мама.

Потом она погрустнела и сказала:

— Юр, твоя сестренка, погибла... Погибла в том погребе, о котором я много раз тебе рассказывала...

Юрка притих.

— Сегодня праздник, — продолжала мама. — Называется он День Жен Мироносиц. Отмечается он в воскресенье, через две недели после Пасхи. Испокон веков в этот день в нашем селе люди на кладбище шли, чтобы помянуть близких своих, ушедших от нас. Значит, тетя Поля приезжала, чтобы на могиле своей дочки побывать. А заодно и тебя увидеть. Она же тебя своим сыночком считает...

— В прошлом году это тоже в воскресенье было, — вспомнил Юрка.

— Ну, вот. Значит, она и в следующем году приедет. Ты уж от нее не убегай больше... — попросила мама.

— А где она живет? — поинтересовался Юрка.

— Она уехала куда-то в Подмосковье, к своей родственнице. Она ведь одна осталась после войны. Муж ее, папа Танечки, погиб на фронте, а родных людей у нее в нашем селе не было. Вот она и уехала...

Рассказав Юрке о тете Поле, Мария стала вслух размышлять:

— А чего же она ко мне не зашла? Ни в прошлом году, ни сегодня...

И сама ответила на свой вопрос:

— Видать, ей трудно сейчас встречаться со мной. Воспоминания-то у нас слишком тяжелые...

Тетя Поля приехала и в следующем году, и в последующем... Она приезжала каждый год. Накануне Дня Жен Мироносиц Мария сама напоминала сыну:

— Завтра тетя Поля приедет.

И старалась одеть его во что-нибудь чистое и опрятное.

Когда наступал этот день, Юрка долго высматривал тетю Полю на дороге, а увидев ее, сам бежал к ней навстречу. Юрка уже понимал: он —

единственная ниточка, которая связывает тетю Полю с прошлым. Понимал и то, почему она называет его сыночком. Она и сама постепенно становилась для него родным человеком.

В первый раз тетя Поля не приехала, когда Юрка учился в восьмом классе. Не приезжала она и потом — три года подряд. Юрка, как всегда, ждал ее, высматривая в День Жен Мироносиц на дороге, но тети Поли не было.

«Что же случилось?» — недоумевал он.

Но спросить было не у кого.

4

Когда Юра, окончив школу и мечтая стать архитектором, поступил в инженерно-строительный институт, тетя Поля появилась еще раз. В комнате общежития, где их, однокурсников, жило четверо, шла подготовка к зачетам. Она тихонько постучала в дверь и приоткрыла ее:

— Юра, ты здесь?

— Тетя Поля! — обрадовался он, кинувшись ей навстречу.

Она и тут не выдержала, заплакала.

— Как давно я тебя не видела, сыночек...

— Теть Поля, я очень рад тебя видеть. Что же ты так долго не приезжала? — обнимая ее, спросил Юра.

— Болела я, Юрочка, очень болела, — ответила она.

Юра уже заметил, что лицо у нее стало осунувшимся, бледным, глаза — впалыми. Подумалось: устала с дороги. Оказывается, дело совсем не в усталости.

— А как сейчас себя чувствуешь? — забеспокоился он.

— Сейчас получше. Но все равно на таблетках сижу...

— А как же ты меня здесь отыскала? — удивился он.

— Я вчера у твоей мамы была. Посидели с ней, поговорили, наплакались, войну вспоминая... Она мне и рассказала, как тебя найти.

— Теть Поля, тут такое дело, — стал извиняться Юра, — ребята к зачетам готовятся, завтра сдавать... Давай выйдем в коридор. Там и поговорим.

Тетя Поля стала извиняться:

— Так тебе же тоже надо готовиться! Как не вовремя я...

— Нет, все нормально — успокоил ее Юрий. — Мне зачет автоматом поставили.

— Как это — автоматом? — не поняла она.

— Это когда зачет или экзамен не надо сдавать, — как мог объяснил Юра.

— Поняла. Это для тех, кто хорошо учится, так?

Юра не стал вдаваться в подробности:

— Ну, в общем, так.

Она посмотрела на него с гордостью и умилением:

— Какой же ты у меня молодец!

Они вышли в коридор. Юра хотел провести тетю Полю в «красный уголок» общежития, но она предложила:

— Юр, я в гостинице остановилась, пойдем туда, в мой номер, там с тобой и поговорим.

— Теть Поля, я только по пути в институтскую библиотеку зайду. Мне завтра надо начинать к первому экзамену готовиться, учебник возьму.

— Делай все, что тебе надо, мне спешить некуда.

В гостинице «Маяк» она жила в четырехместном номере. Но ее соседей не было, и никто им не мешал.

Первым делом Юрий поинтересовался, как и где она живет.

— Живу я недалеко от Москвы, в селе Поречье. У сестры моего мужа покойного там домик небольшой, она меня и позвала к себе, когда узнала, что брат погиб, что совсем одна я осталась.

В глазах тети Поли снова заблестели слезы.

— Ты уж постарайся пожить подольше — не только за себя, но и за свою сестренку, — сказала она и опять заплакала.

Юрий сразу перевел разговор на другую тему:

— Теть Поля, а муж твой в каких войсках воевал?

— В пехоте, — успокаиваясь, ответила она. — Старшим лейтенантом он был. Воевал на Воронежском фронте, его потом в Первый Украинский переименовали.

Тетя Поля открыла свою дорожную сумку, достала оттуда небольшой пакет, внутри которого оказалась медаль «За отвагу».

— Сыночек, это я тебе привезла. Удостоверение я себе оставила, а медаль тебе. Ее Володя мой за Днепр получил. Когда они Днепр переходили... как же это по-военному-то называется...

— Форсировали? — подсказал Юрий.

— Вот-вот... форсировали. Когда они Днепр форсировали, он немецкого пулеметчика уничтожил и открыл нашим дорогу к переправе. А погиб он... Рассказывать не буду, сам почитай.

И она протянула ему в руки старое, пожелтевшее от времени письмо.

— Это письмо от его друга, однополчанина. Ты возьми его с собой, завтра вернешь. Ведь ты придешь завтра на вокзал проводить меня?

— Конечно, приду.

Вскоре в гостиничный номер стали возвращаться другие его обитательницы, и Юрий засобиравшись уходил.

— Подожди минутку, — попросила его тетя Поля. — Я тут свой адрес тебе на листочке написала. Возьми его. Может, сможешь когда-нибудь навестить меня. Сюда-то я уже вряд ли приеду, трудно мне это стало.

Посмотрев мельком на адрес, Юрий пообещал:

— Конечно, я обязательно вас навещу.

Вернувшись к вечеру в общежитие, Юрий первым делом внимательно рассмотрел медаль «За отвагу». «Буду хранить ее вместе с медалями отца», — подумал он.

А потом он стал читать письмо. Оно его шокировало. Оказалось, что муж тети Поли погиб не в бою. Он погиб, спасая немецких детей из горящего дома.

«Вспоминал ли он тогда свою погибшую в огне трехлетнюю Танечку — мою сестренку? — думал Юрий. — Не возникло ли у него желание отомстить за нее? Немецкие дети, понятно, не были виноваты в ее гибели. Но они же дети врагов!»

На мгновение Юрию подумалось, что, окажись он на месте мужа тети Поли, чувство мести заглушило бы в нем все остальное. Но только на мгновение. «Наверно, я поступил бы так же, как он», — решил Юрий.

Да, русский человек велик в своей несокрушимой человечности, в своей неиссякаемой справедливости, которые освещают всю его жизнь и всегда безошибочно подсказывают, какой выбрать путь — и в минуты огромной любви, и в минуты бескрайней ненависти.

На другой день Юрий провозжал тетю Полю в Москву. У вагона поез-

да она обняла его, расцеловала и затопилась: до отхода поезда оставались считанные минуты. Вскоре ее лицо появилось в вагонном окошке. Она что-то пыталась сказать ему, но он не слышал и пожимал плечами. И тогда она написала пальцем на запотевшем окне: «Живи долго». Юрий закивал головой, заулыбался и крикнул в ответ:

— Буду! Обязательно буду!

Поезд, загремев всем своим могучим телом, тронулся с места. Тетя Поля заплакала и снова что-то сказала.

По движению ее губ он прочитал: «Сыночек...»

5

Прошло много лет. Юрий Григорьевич жил долго, как и просила тетя Поля: ему шел девятый десяток лет. При этом чувствовал он себя вполне здоровым человеком. Он был бодр, энергичен, не по годам подвижен. Знакомые нередко спрашивали его:

— Как тебе удалось так сохраниться?

Всерьез он отвечать на такие вопросы не мог, всегда отшучивался.

Известный архитектор, Юрий Григорьевич продолжал свою работу, которую очень любил. У него была хорошая семья: заботливая, понимающая его жена, талантливые дети, нашедшие себя в жизни.

Конечно, ему не хватало родителей, которые давно ушли из жизни. Ушел и брат. До самых последних дней он так и не избавился от своих ночных кошмаров.

Только о тете Поле Юрий Григорьевич ничего не знал. Ничего!

Его мучило то, что он не выполнил своего обещания приехать к тете Поле. Ее адрес, записанный на бумажке, он, к своему стыду, потерял.

Юрий Григорьевич помнил тот день во всех мелочах. Вот он идет в институтскую библиотеку и берет там учебник по начертательной геометрии. Вот они идут с тетей Полей в гостиницу «Маяк», и учебник у него в руках. Вот они беседуют в гостиничном номере, а учебник лежит на столе. Вот тетя Поля вручает ему бумажку с адресом, а он кладет эту бумажку между страницами учебника. Учебник был с ним и на следующий день, когда он уехал к родителям. К экзаменам он всегда готовился дома. Юрий еще со школы привык заниматься в тишине, чтобы никто и ничто его не отвлекало. А в общежитии обстановка была не совсем подходящая. Некоторые ребята уходили готовиться к экзаменам в библиотеку, иногда в городской парк. Но Юрия, парня сельского, это не устраивало. К тому же он очень скучал по дому, а тут появлялась возможность несколько дней пожить в привычных условиях, рядом с родителями.

Конечно, все дни подготовки к экзаменам учебник по начертательной геометрии практически непрерывно был в его руках. И бумажка с адресом тоже в нем оставалась — это Юрий Григорьевич помнил хорошо. Провал в памяти наступил у него после сдачи экзамена. Куда он дел этот учебник? Оставил на подоконнике в коридоре института? Но он редко брал с собой учебники на экзамен. Оставил его в общежитии? Но это тоже не отложилось в памяти! Никто из ребят учебник не мог взять: экзамен все они сдали успешно, и эта книга была им просто ни к чему.

Юрия не так уж беспокоил тогда пропавший учебник — чтобы расчитаться с библиотекой, его, в конце-то концов, можно купить в книжном магазине. Он переживал, корил себя за то, что потерял адрес тети Поли, что не постарался сразу же запомнить его.

Еще с молодых лет у Юрия Григорьевича вошло в правило: весной, в День Жен Мироносиц, он ехал в родное село. Сначала заходил на кладбище, к могилам родителей. Положив к ним цветы, мысленно беседовал с отцом, с мамой. Что-то хотелось бы рассказать им и вслух, но в этот день вокруг было много людей. У каждой могилы возлагали цветы, молились. Большинство земляков, наполнив стаканы, выпивали их со словами «Царство небесное...» или «Вечная память...». Приходилось и Юрию Григорьевичу выпить рюмку-другую: к нему то и дело подходили знакомые, а то и друзья с просьбами помянуть их родителей. Отказать в этих просьбах Юрий Григорьевич никак не мог.

Потом он отправлялся к месту гибели детей. Здесь тоже оставлял цветы, беседовал с сестренкой. Вспоминал тетю Полку, снова и снова упрекая себя за потерю ее адреса.

В этот день все было как всегда. Только могила детей выглядела по-новому. Земляки установили на ней гранитную плиту с надписью: «Никто не забыт, ничто не забыто...» Юрий Григорьевич вспомнил, как больно ему было в прошлые годы видеть, что это место зарастало бурьяном. Теперь оно выглядело вполне достойно.

Юрий Григорьевич решил пройтись по знакомым с детства местам. Родная школа... Заросли лозняка, в которых они играли в прятки... Родник с чистой водой, как детские слезы, водой...

И вдруг он понял, что не может уйти отсюда, не увидев родительского дома. Подходя к нему, заметил: дом — все тот же. А там, где была изба тети Поли, новые хозяева построили другой дом — большой, просторный.

Обратил он внимание и на то, что телеграфный столб, возвышающийся рядом с домом, — тоже тот же самый. Ему вспомнилось, как однажды зимой, поздно вечером, он возвращался домой после затянувшегося в школе комсомольского собрания. Шел по своей улице — и не узнавал ее: все избы были занесены снегом. Даже труб не было видно! Он даже немного испугался: найдет ли свой дом? Выручил этот самый телеграфный столб, макушка которого торчала из-под снега. И тут же он услышал, как со стороны дома к нему пробивают дорогу. Это отец, орудия совковой лопатой, прокладывая траншею для входа в дом со стороны улицы.

А вот на этой площадке возле дома он каждый день играл с Мушкой — веселой собакой-дворняжкой, которая была всегда ласкова со своими, но непримиримо-злой с незнакомыми ей людьми. А позднее у родителей была такая же веселая Жучка, которая однажды всех поразила. Целое лето с Жучкой забавлялся трехлетний Женька — племянник Юрия Григорьевича, приехавший в деревню из Новосибирска. В следующий раз он появился у бабушки только через восемнадцать лет. И Жучка его узнала!

«Вот и Женьки уже нет, — грустил Юрий Григорьевич. — Совсем молодым его подкосил инфаркт...»

Грустные мысли Юрия Григорьевича прервал молодой мужчина, новый владелец дома, открывший калитку и вышедший ему навстречу. Он сразу узнал Юрия Григорьевича и, подав ему руку, представился:

— Виктор.

И тут же пригласил пройти в сад, прилегающий к дому. Юрий Григорьевич согласился: ему захотелось увидеть знакомые, милые сердцу деревья, многие из которых когда-то он посадил сам. И яблони, и груши, и вишни, и черноплодная рябина — все оказалось на месте. Только еще больше разрослись и ввысь, и вширь. Лишь одна яблоня, посаженная еще

отцом, засохла, захирела. «Деревья живут долго, — подумал Юрий Григорьевич, — но тоже умирают».

Осмотрев сад, он засобирались уходить. Но Виктор остановил его:

— Там, на чердаке, лежит ваш чемодан с книгами. Я не стал его трогать — может, что-то вам нужно? Не посмотрите?

Книги Юрий Григорьевич любил, и новость о чемодане его заинтриговала. «Неужели Борис, перевозивший оставшуюся одинокой маму к себе, в Старый Оскол, мог забыть здесь книги?» — засомневался он.

Вслед за Виктором Юрий Григорьевич вошел в сенцы, откуда можно было подняться на чердак. Взялся за лестницу, обеими руками оценив, насколько она прочна. Но Виктор остановил его:

— Не надо, я сам...

На тяжелом старом фанерном чемодане, который подал ему с чердака Виктор, был слежавшийся слой пыли. Юрий Григорьевич почувствовал щекотание в носу, чихнул и попытался сразу же открыть чемодан. Но слезающий с чердака Виктор, тоже чихая, прервал эту попытку:

— Подождите, я сейчас тряпку принесу, пыль вытереть надо...

Зайдя в дом, Виктор тут же вернулся с ведром воды и тряпкой. Вынес чемодан на крыльцо, тщательно вымыл его со всех сторон.

— А теперь открывайте...

В чемодане оказались школьные учебники. Юрий Григорьевич вспомнил, как по окончании очередного учебного года и он, и Борис с облегчением складывали их на верхнюю полку старинной этажерки. Горка учебников росла и росла, они падали на пол, и мама каждый раз спрашивала:

— Куда их теперь?

И Юрка, и Борька пожимали плечами:

— Они нам больше не нужны.

— Нет, — возражала им мама, — они вам еще когда-нибудь обязательно пригодятся.

И куда-то уносила учебники. Оказывается, она их складывала в чемодане, на чердаке.

Юрий Григорьевич перебирал книги, вспоминал учителей. Виктор его не торопил, уйдя во двор по каким-то своим делам. Взяв в руки следующий учебник, Юрий Григорьевич не поверил своим глазам и даже вздрогнул. «Начертательная геометрия»! Та самая книга, которую он искал и о которой думал все последние годы. Как она тут, среди букварей, арифметик да географий, оказалась? «Вероятно, маму смутило слово «геометрия», — догадался Юрий Григорьевич. — А я этот учебник, видимо, оставил дома, отправляясь на экзамен...»

Он стал судорожно листать книгу. Да, вот он, этот самый листок, за потерю которого он так долго себя упрекал! Даже не пожелтел за эти годы, сохранившись в уютном промежутке между книжными страницами!

Юрий Григорьевич взглянул на адрес, написанный рукой тети Поли. Поречье! Ну, конечно, Поречье! Как же он мог забыть такое простое название?

Внучка, которая, говоря ее же словами, «шарила» в интернете, помогла ему найти это Поречье. Даже два Поречья. Одно — в Рuzском районе, другое — в Можайском. Для себя он их так и назвал: Первое Поречье, Второе Поречье. До Первого от Москвы чуть более восьмидесяти километров, до Второго — около ста пятидесяти.

Юрий Григорьевич вспомнил: тетя Пелаговича говорила: «Живу недалеко от Москвы». «Сто пятьдесят километров — это тоже недалеко, но восемьдесят все-таки ближе», — подумал он.

И решил начать с Первого Поречья.

Случай представился довольно быстро: этой же весной Юрия Григорьевича пригласили в Москву на форум архитекторов. По его окончании он и решил съездить в Первое Поречье. Автобус Москва-Руза, идущий через это село, отправлялся от станции метро «Тушинская». Всю дорогу Юрий Григорьевич, уставший за три дня от прослушивания всевозможных докладов и речей, дремал. Заметил только, что по пути останавливались в Звенигороде. Ему показалось, что и ехали-то всего ничего, как вдруг раздался голос водителя:

— Следующая остановка — Поречье.

Поречье оказалось деревней, расположенной на берегу Москвы-реки и окруженной со всех других сторон сосновыми лесами. «Красота-то какая!» — изумился Юрий Григорьевич.

Первым встретившимся ему жителем села оказался полупьяный мужик, безуспешно пытавшийся сесть на велосипед. На вопрос об улице Школьной он опешил:

— Школьная... Какая Школьная? Ты — чего? С Луны свалился? Не было у нас отродясь Школьной... Да и школы тоже никогда не было... Наши дети все в Тучково ходят в школу...

Мужик, поняв, что на велосипед ему уже не сесть, пошел с ним дальше, бормоча:

— Школьная... Хм...

Юрий Григорьевич подумал, что надо бы спросить у кого-то другого, но его окликнула женщина, мывшая окно на первом этаже стоящего рядом дома и слышавшая его разговор с «велосипедистом»:

— Мужчина, не сомневайтесь, улицы Школьной у нас в Поречье нет. У нас вообще улицы никак не названы. Только номера домов. Деревня-то маленькая...

«Ну, что ж... На первый раз осечка вышла, — подумал Юрий Григорьевич. — Придется и со Вторым Поречьем познакомиться...»

Вернувшись в Воронеж, он сразу же стал готовиться к новой поездке. Внучка опять «пошарила» в интернете. Выяснилось, что добраться до Второго Поречья будет посложнее. Сначала нужно автобусом № 455 доехать до Можайска, а потом, уже на маршрутке, до села.

Ночную поездку до Москвы поездом Юрий Григорьевич сразу отверг. С некоторых пор в поездах он не мог заснуть ни на минутку. Приехать в столицу совершенно разбитым и тут же снова отправиться в путь? Хватит ли у него на это сил?

И он решил добираться до столицы днем, предварительно заказав там гостиницу.

В Москву Юрий Григорьевич останавливался, как правило, в гостинице «Космос». Недорого, номера уютные, тихие. И от метро сравнительно недалеко. Но на этот раз «Космос» ему не подходил. Он хотел уехать в Можайск первым автобусом, в начале восьмого. А это заставляло поискать гостиницу поближе к метро «Парк Победы», откуда отправлялся автобус. И такая нашлась. Правда, смущали отзывы в интернете: «Грязное белье из дешевой тонкой вискозы, продавленная кровать, матрас с горбиками, дырки в стене, ободранная мебель и стены, телевизор не работает...»; «Полное днище... хотя нет, днище всех днищ! Кровати сломаны, белье

синтетическое и порванное, везде запах пыли, духота, плохая вентиляция, грязь...»; «Помойная яма за неадекватные деньги. По всей видимости, номера этого отеля в основном сдаются на час-два. Запах, обстановка, интерьер напоминают что-то из самого дремучего захолустья...» Но рядом с этим он прочитал: «В отеле тихо, нет шума, никто не беспокоит, персонал доброжелательный...»

«В конце-то концов, только на одну ночь мне эта гостиница и нужна, — подумал Юрий Григорьевич. — Главное, чтобы тихо было».

Да, в номере было тихо. Но уснуть он так и не смог. Не давал спать стойкий запах курева, которым здесь было пропитано, кажется, все. Сам Юрий Григорьевич никогда не курил, но к курящим относился вполне лояльно. Уснуть же в такой обстановке было свыше его сил. Он обеспокоенно думал о том, какой трудной будет у него завтрашняя поездка. Когда Юрий Григорьевич не выспался, весь следующий день ему казалось, что силы покидают его.

Утра он еле дождался. Выпив кружку кофе, отправился к автобусной остановке. По пути почувствовал, что как-то необычно щемит сердце. Подумалось: «Вот и результат бессонной ночи...».

В девять утра он был уже в Можайске. Маршрутку до Поречья долго ждать не пришлось.

Село оказалось, в отличие от Первого Поречья, большим. Еще не доехав до конечной, Юрий Григорьевич заметил из окна маршрутки старинную усадьбу и опытным взглядом архитектора оценил: «Шестнадцатый век».

Школьная улица оказалась сравнительно недалеко от остановки, за речкой. Но нужный Юрию Григорьевичу номер дома принадлежал вполне современному двухэтажному особняку. Это расстроило Юрия Григорьевича: «Что, опять не туда приехал?»

На его звонок вышла молодая женщина. Он извинился и спросил про тетю Полю. Женщина пожала плечами:

— У нас таких нет. Впрочем... Тут вроде когда-то давно домик был... Его наш дедушка покупал. Заходите, дедушка на скамейке сидит. Сам он подойти не может, у него ноги большие.

Юрий Григорьевич попросил:

— Вы уж, пожалуйста, сами у него спросите, я заходить не буду.

— Как вы говорите? Тетя Поля?

— Да-да, тетя Поля...

Женщина ушла на территорию особняка и вскоре вернулась.

— Дедушка говорит, что тут действительно жила женщина по имени Полина. А отчество ее он забыл. О ней вам может рассказать соседка наша, Варвара Тихоновна, она ее хорошо знала. Вот ее дом, — показала женщина на соседнюю покосившуюся избу.

«Неужто нашел?» — обрадовался Юрий Григорьевич.

Он подошел к покосившемуся домику. Скрипнула еще более покосившаяся калитка. На скрип отозвался бойкий голос:

— Кто там? Заходи смелее!

Обладательницей бойкого голоса оказалась старушка, вышедшая ему навстречу, опираясь на костыль.

— Варвара Тихоновна? — спросил Юрий Григорьевич.

— Ну, я Варвара Тихоновна, — ответила старушка.

И, прищурившись, пошутила:

— Если замуж пришел меня звать, то я покамест не собираюсь...

Юрий Григорьевич улыбнулся:

— Да из меня жених уже никакой...

— Всяка невеста для своего жениха родится, — возразила старушка.

— Варвара Тихоновна, мне сказали, что вы тетю Полю знали... Ту, что в соседнем доме жила...

Старушка вздохнула:

— Полюшку? Да, Полюшку я хорошо знала. На моих руках она, бедняжка, умирала...

— А когда она умерла?

Старушка задумалась.

— Да уж, видно, годков двадцать прошло. Может, и больше... Она ведь последние-то свои годки у меня жила. Когда ее родственница-то померла, она ведь одна-одинешенька осталась. Ну, вот... А потом и ей совсем невмоготу стало. Уж так сильно болела она, так сильно... Я и говорю ей: переходи, мол, ко мне, вместе жить будем. Она и перешла. Ну, вот... А куда ж ей деваться-то было?

— Понятно. А кладбище у вас далеко?

— Для меня-то, с моими ногами, далекоовато будет. А у тебя, я гляжу, ноги хоть куда, быстренько дойдешь. А могилку ее сразу найдешь. Она недалеко от входа, с правой стороны. Памятник из черного мрамора. На нем фотография ее. Молодая она там... Ну, вот... Других-то фотографий у нее не нашлось...

— Ну, и как мне до кладбища дойти?

— Пойдешь по нашей Школьной улице, перейдешь Иночь...

— Иночь?.. А что это? — поинтересовался Юрий Григорьевич.

— Речка наша так называется — Иночь, — уточнила старушка.

— А-а, понятно...

«Странное название, — подумал Юрий Григорьевич. — Надо будет у Даля посмотреть, что оно означает».

— Справа магазин «Пятерочка» будет, — продолжала старушка. — Иди по Советской улице, никуда не сворачивая. Слева церковь увидишь, она у нас Рождественско-Богородицкой зовется.

— Это там, где остановка автобусная? — уточнил Юрий Григорьевич.

— Да-да, где остановка, — обрадовалась старушка понятливому собеседнику. — Церковь-то у нас знаменитая, в ней мощи преподобного Ферапонта Белозерского хранятся. Ну, вот... Иди прямо, не сворачивай. Выйдешь за село — увидишь вышку справа. А там уж и до кладбища нашего Пореченского недалеко. Оно тоже по правой стороне.

Поблагодарив старушку, Юрий Григорьевич направился к калитке. Но старушка его остановила.

— А ты не Юра будешь?

Юрий Григорьевич оторопел, не зная, что ответить Варваре Тихоновне. Ему вдруг стало не по себе. Стыдно стало, что тетя Поля его помнила, вот даже старушка эта знает его имя, а он ехал в Поречье так долго. И приехал слишком поздно.

И он слукавил:

— Нет, я не Юра.

— Ну и хорошо, — обрадовалась старушка. — Юру-то этого Полюшка часто вспоминала. Все ждала его. Деньги-то, какие она за домишко свой получила, невелики были. Это сейчас у нас тут земля дорогая. А тогда... Сущие копейки... Да и домишко-то был никакой... Так вот, часть денег-то она на жизнь потратила — пенсия у нее крохотная была. А небольшая часть денег-то этих осталась. Ну, вот... Когда умирала она, то все говорила: мол,

когда Юра этот придет, ты деньги-то эти ему отдай. Они, мол, ему пригодятся. Ну, вот... А я ждала его, ждала, Юру-то этого, а его все нету и нету... Кто ж его знает, может, он и помер уже... Или адрес потерял... А деньги-то лежат. Чего же им лежать-то? Вот и решила я истратить их. Заказала памятник ей на могилу... Хороший памятник, сам увидишь...

— Это вы правильно сделали. Спасибо, — поклонился ей Юрий Григорьевич.

— Так ты точно не Юра? — засомневалась старушка.

— Точно, точно, — заторопился он к калитке.

Но старушка все продолжала:

— Когда Полюшка умирала, то так уж просила меня, так уж просила в церкви нашей молиться — и за упокой души дочки ее Танечки, и за здоровье Юрочки. Я часто туда хожу, в церковь-то. И все делаю, как Полюшка просила...

«Потому, видно, и живу я долго, — подумал Юрий Григорьевич, — что в незнакомом мне Поречье незнакомая старушка молится за мое здоровье...»

7

Могилу тети Поли Юрий Григорьевич нашел быстро. С фотографии, укрепленной на памятнике, на него смотрело молодое лицо родного человека. Сердце защемило еще сильнее.

— Ну, здравствуй, тетя Поль, — произнес он вслух. — Прости, что поздно тебя навестил. Но другое обещание, которое я дал тебе, я выполнил: живу долго, как ты и просила...

Он стал рассматривать памятник. У Варвары Тихоновны был хороший вкус. Ничего лишнего. Только фотография и надпись: «Есть только миг между прошлым и будущим...» Могилу окружала низенькая металлическая ограда.

Под фотографией Юрий Григорьевич прочитал: «Колтакова Полина Семеновна». И — годы жизни. «Надо же, — подумалось ему, — с самого детства помню тетю Полю, а вот фамилию и отчество ее узнаю впервые».

Юрий Григорьевич присел на деревянную скамейку, примыкающую к оградке. Достал из портфеля бутылку водки и два стаканчика — все это он припас еще к поездке в Первое Поречье. Наполнив первый стаканчик, он поставил его к памятнику. Постояв в задумчивости, наполнил второй. Выпил и трижды перекрестился, склоняя голову перед памятником тете Поле.

Он не считал себя верующим человеком. Время воспитывало его поколение в атеистическом духе. Но не помолиться здесь он посчитал противоестественным. На могилах своих родителей, брата, на могиле сестренки он тоже всегда молился.

Он не помнил, сколько просидел на этой скамейке, изредка разговаривая с тетей Полей. Внезапно понял: пора уходить.

— Прощай, тетя Поль... Хотя и долго я живу, но не вечно же...

Добавил, перекрестившись:

— Царство небесное!

И подумал про себя: «Если есть оно, это царство, то, может, когда-нибудь встретимся...»

На обратном пути Юрий Григорьевич зашел в церковь. Поставив свечку у иконы Божьей Матери, он помолился за здоровье всех своих близких, за упокоение душ тех, кто ушел из жизни.

По дороге в Можайск и из Можайска в Москву, а там — к Павелецкому вокзалу, он предался воспоминаниям о детстве, о родителях и брате, о тете Поле. Трудная у них была жизнь. Но он никогда не слышал от них нытья, которое «в моде» у некоторых сегодняшних молодых. Сильнее они были, что ли? Может, и сильнее. Ведь за их плечами — война.

К воронежскому поезду Юрий Григорьевич, как он и надеялся, успел. Вагон оказался полупустым. В его купе был только единственный попутчик, да и тот выходил на первой же остановке. Разговор с ним не получался — в основном по вине Юрия Григорьевича: он все еще оставался в своих раздумьях.

Оставшись один, Юрий Григорьевич прилег на полку. Он знал, что уснуть ему не удастся, но все же попытался это сделать. По давней привычке заставлял себя не останавливаться на какой-то мысли, сразу же переходить к другой, потом к третьей, четвертой... Но сон не шел.

Почувствовав боль в груди, Юрий Григорьевич подумал: «Что-то неладно у меня с сердцем стало... Надо на днях в поликлинику сходить, давно я у врачей не был...»

Отвлекая себя от этой боли, он стал прислушиваться к стуку вагонных колес. Когда поезд, затормозив на полустанке, начинал ускорять свой бег, они, колеса, как послышалось Юрию Григорьевичу, отстукивали: «Жи-ить долго, жи-ить долго, жи-ить долго...» Когда же скорость была полностью набрана, то в их стуке слышалось чуть-чуть иное: «Долго жить, долго жить, долго жить...»

«Почему одни люди живут долго, а другие уходят рано, не успев радоваться и настрадаться?» — задумался Юрий Григорьевич.

И неожиданно понял: «Мама жила долго, радовалась и страдала за своего мужа, моего отца, который умер, едва выйдя на пенсию... Брат Борис жил за девочку Настю с красивой светло-русой косой... А я живу за свою сестренку, оставшуюся вместе с Настей в том кровавом погребке...»

А сердце все болело и болело...

К утру он стал забываться. Ему привиделся тот самый погреб. Там собрались все: и он сам, и его маленькая сестренка, и брат, и мама, и отец, и тетя Поля. Было страшно. Мама испуганно просила: «Боря, приглядывай за Юркой!». Отец без конца повторял: «Я твой папа... я твой папа...». Тетя Поля обнимала его и рыдала: «Сыночек мой!». Брат громко кричал: «Коса, коса!..» А сестренка, лица которой он почему-то не видел, звонко просила: «Долго жить! Долго жить! Долго жить!».

Внезапно он отчетливо ощутил запах бензина и стал задыхаться. Ему захотелось открыть — то ли дверцу погреба, то ли окошко вагона. Он попытался подняться, но увидел большой огненный шар, катящийся прямо к ним всем. Его охватил еще больший испуг, и он инстинктивно прикрыл своим телом сестренку. Тут же почувствовал, что их прикрыли — все вместе — и мама, и брат, и тетя Поля... Он уже не мог вздохнуть. Хотел, но не мог. Огненный шар обрушился на них со всей своей обжигающей силой. Юрий Григорьевич понял, что шар поглотил навсегда — и его самого, и родных ему людей.

В последние секунды перед этим «навсегда» в затухающем сознании Юрия Григорьевича вдруг промелькнуло: «Есть только миг между прошлым и будущим...»

А вагонные колеса все продолжали отстукивать: «Долго жить, долго жить, долго жить...»

Поезд приближался к Воронежу.